

КОНСТРУКТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Быть консерватором в России становится все более почетно. Примерно так же, как лет десять назад было «правильно» считаться демократом, а еще десятилетием раньше — «настоящим советским человеком». Некоторые даже называют повальное увлечение консерватизмом модным западным словом «*мейнстрим*» — дескать, такое у нас теперь главное течение общественной мысли. Ни в коем случае не отрицая значения консерватизма как идейного направления, хотелось бы тем не менее уточнить отдельные стороны этого ныне повсеместно употребляемого понятия и его значение в современной российской жизни. Как известно, *консерватизм подразумевает сохранение неких традиций, устоев, порядка вещей*, которые сами консерваторы признают правильными в силу длительности их существования и привычки основной массы населения. При этом, например, английские консерваторы берегут как зеницу ока не только королеву, но и парламент, не только обычаи и нравы лордов, но и свободу предпринимательства, билль о правах, как одну из основ англосаксонской цивилизации.

Применительно к консерватизму в России всегда неизбежно встает вопрос: «А что, собственно, мы хотим сохранить?» В нашем прошлом каждый может найти то, что ему нравится. Кому-то, как славянофилам середины позапрошлого века, дорог образ патриархальной допетровской Руси. Кто-то ратует за возрождение традиционного уклада русской деревни, утраченного в середине века прошлого. Болезненные воспоминания многих связаны с утратой Россией ее имперского статуса, отсюда тоска по державному величию Российской империи и СССР. Наконец, кто-то сегодня говорит о необходимости возвращения к практике 1990-х годов, и это тоже своего рода консерватизм. Уклады народной жизни, особенно в XX веке, несколько раз ломались самым жестоким образом, от продразверстки и уничтожения крестьянства в процессе коллективизации до стремительного демонтажа советской патерналистской системы в 1990-е годы. Традиционное общество разрушено основательно, и лишь отдельные его элементы остались в сознании (и подсознании) людей как некие «фантомные боли». Вместе с тем у нас есть что сохранить. *Прежде всего — это Россия. Как страна, как мечта, как наследие предков, как дело жизни, как напутствие детям.* Наши язык, культура, история. Эти ценности близки не только консерваторам, но и всему обществу.

Однако встает вопрос, что действительно нужно делать, чтобы эти наши ценности сохранить, а чего ни в коем случае делать не следует. Чтобы здоровое консервативное желание — сделать как лучше — не воплотилось, как всегда, в формы, губительные для тех самых ценностей, которые мы хотим сохранить. Носители консервативного дискурса в России очень часто выступают с агрессивных позиций, они требуют прежде всего «возмездия», мщения своим оппонентам, по вине которых, как они считают, произошла утрата тех или иных позитивных явлений нашей жизни. Так, иногда возникает ощущение, что окончательная победа любой из групп российских консерваторов приведет лишь к еще одной перетряске страны на фоне очередного передела власти и собственности. И это не может не отталкивать многих. Совершенно очевидно, что *современному российскому консерватизму не хватает конструктивности.*

Здесь мы подходим, пожалуй, к самому главному. Выполнить консервативную миссию, то есть сохранить и усилить наши главные ценности возможно лишь при условии, что Россия будет страной просвещенной, нравственно здоровой, экономически сильной, конкурентоспособной на мировой арене. Конструктивный консерватизм не может отрицать необходимости роста и развития, а *конкурентоспособность невозможно обеспечить без рыночной экономики.* Рынок, свобода предпринимательства, инновационные технологии — это то, что нам в любом случае придется заимствовать у тех стран на Западе и Востоке, которые сегодня являются мировыми экономическими лидерами. Именно так поступили и поступают страны, решившиеся на ограниченную, прежде всего *технологическую вестернизацию* и добившиеся колоссального прорыва в экономике на фоне максимально возможного сохранения традиционных укладов в общественных отношениях: Индия, Китай, Япония, Корея, в известной степени страны Латинской Америки. Да и у самой России есть исторический опыт ограниченной вестернизации — реформы Петра Великого и Александра II Освободителя, сталинская индустриализация, в результате которых мы, собственно, и смогли оказаться в числе великих держав мира.

Свободная рыночная экономика, как мы убедились на собственном опыте, ставит человека в чрезвычайно жесткие условия. *Рассчитывать можно только на себя, ибо никто не поможет* — вот главный вывод, который вытекает из опыта последних лет. И это был чрезвычайно суровый урок. Однако следует признать: только жесткие условия делают человека результативным, позволяют ему добиться самореализации. Вместе с тем наличие требовательности к себе соответствует традиционной российской системе ценностей. То, что человек должен кормиться своим трудом и не должен быть в тягость другим — важный элемент народного самосознания. В православной этике четко проводится мысль о том, что человек, надеясь на Бога, рассчитывать должен только на себя. Возможно, то, что многие россияне не просто сумели выжить в жесточайших условиях, но и добиться успехов в бизнесе, карьере, обустройстве быта, говорит о той колоссальной внутренней силе, которая присуща нашим соотечественникам.

Многие страны Запада сегодня вступили в фазу «консервативной рефлексии», и их размышления также важны для нас. Но здесь есть своя специфика: известно, что *американские консерваторы – это самые отъявленные либералы*, и приставка нео- в понятии «неоконсерватизм» означает лишь то, что они, так уж и быть, допускают повышение роли государства в экономике. Таковы американцы – корневая система их общества развивалась на почве либерализма. Мы же должны сконструировать собственную внутреннюю систему устойчивости, адекватную российским условиям.

Источником идей для консерватора всегда остается собственная национальная традиция, тот ценностный и ментальный багаж, который копился поколениями людей, живущих на этой земле. В пылу рыночных преобразований мы мало учитываем тот факт, что в *России всегда существовал и был достаточно силен собственный предпринимательский этос*. Если мы посмотрим на православную этику предпринимательства, то увидим массу примеров, во многом противоположных западным моделям и образцам. Так, православный дискурс подразумевает, что любая собственность, любое богатство прежде всего богово, то есть принадлежит Богу и лишь находится *в управлении* тех, кто обладает этой собственностью в земной жизни. Богатство, не будучи само по себе пороком, играет роль своеобразной дополнительной нагрузки: обладающий богатством человек испытывает больше соблазнов, так что излишнее богатство, свалившееся на внутренне неподготовленного человека, может стать причиной моральной гибели его самого и его потомков. Богатство дается человеку для служения добру, стране, помощи ближнему, а не ради удовлетворения собственных прихотей и гордыни.

Переходя на экономический язык, можно сказать, что перераспределение богатства цивилизованными методами, которое, кстати, присутствует во всех развитых странах, необходимо прежде всего самим богатым и их детям, чтобы спасти их от нравственного саморазрушения. Но, спасая одних людей, мы не можем губить других – получателей перераспределенного богатства, толкать их на путь социального иждивенчества. Помощь ближнему не должна снимать персональной ответственности с того, кому эта помощь оказывается, – за его жизнь, за собственное благополучие и благосостояние его семьи. В этом плане *главной формой социальной ответственности крупного бизнеса в сегодняшней России должно стать создание достойно оплачиваемых квалифицированных и эффективных рабочих мест*: нуждающийся в помощи (если он не старик, не инвалид и не ребенок) должен получать не готовую рыбу, а удочку, при помощи которой ему самому предстоит добыть себе ужин. На это должны быть направлены усилия государства, в распоряжение которого попадают огромные перераспределительные потоки. Казалось бы, у нас в стране избыток рабочих мест. Именно для их замещения мы должны привлекать многочисленных мигрантов из-за рубежа. Однако вспомним, сколько граждан России работает сегодня в многочисленных охранных структурах, стоит на дорогах в форме работников ГИБДД, в меру сил внося свой вклад в дезорганизацию дорожного движения, служат в колоссально разбухшем даже по сравнению с советскими временами бюрократическом

аппарате. Такая работа, зачастую полностью бессмысленная для общества, разлагает людей немногим меньше, чем сидение «на социале».

Другое немаловажное обстоятельство: свобода, в том числе экономическая, не может быть безграничной. Жизнь человека не определяется только материальными интересами, а его мироощущение наполнено мифами и пристрастиями. Мы не можем свободно торговать своим словом или репутацией, не хотим допускать такой свободы, при которой будут приватизированы воздух и реки. Безграничная либеральная свобода приводит к разрушению традиционных народных ценностей, подавлению укоренившихся укладов и образа жизни, ведет к разрушению и демографическому сжатию нации, выбравшей этот путь. То, что служит основой устойчивости в англосаксонской культуре, может оказаться причиной нестабильности и развала в континентальной, географически неоднородной и этнически пестрой России. Уникальность анатомии российского общества вынуждает искать собственные образцы коммуникации, поскольку западные аналоги созревали в совершенно иных условиях.

В то же время конструктивный консерватизм не отрицает демократии как таковой. Совершенно очевидно, что в современном мире, наличие демократических институтов выступает едва ли не главным фактором суверенитета и международного признания того или иного государства. Демократическая мечта обладает чрезвычайной привлекательностью для людей (в России это выражается в желании все решать соборно, всем миром). Даже наиболее жесткие диктаторы сегодня вынуждены имитировать действие демократических институтов и свобод. К тому же каким бы авторитарным ни был политический режим, он все равно нуждается в обратной связи с обществом, народом. *Поиск наиболее эффективной формы взаимодействия общества и власти в России – одна из задач конструктивного консерватизма.*

Для столь пестрой и неоднородной страны, как наша, очень важно мощное центростремительное движение, а значит – сильная государственность. Но сила государства определяется не формой правления. Государство – это прежде всего люди, задействованные во власти и управлении, точнее, особые качества этих людей, возложивших на себя миссию по сохранению страны и ее движению в будущее. Сегодняшнее российское «корпоративное государство» фактически присвоено вороватым чиновничеством, у которого нет и не может быть никакого представления о служении долговременным целям страны. Разумеется, чем меньше у него ресурсов и рычагов управления, тем лучше будет как для экономики, так и для народа. Если власть жадная и ограниченная, ей трудно доверять перераспределение общественных ресурсов, ибо известно как и в чьи карманы они будут перераспределены. Возьмем недавний пример с решением вопроса о месте расположения заводов компании Volkswagen в России. Предполагалось, что завод будет располагаться в одном небольшом подмосковном городе, для чего компании планировалось предоставить 800 га земли. Создание завода означало для города 40 тысяч новых рабочих мест, рост налоговых поступлений, рост жилищного и инфраструктурного строительства в городе (даже Минобороны соби-

ралось строить здесь большие площади жилья для военнослужащих, уходящих в запас, — ведь тогда они будут обеспечены работой). Но вот беда: зачем все эти будущие прелести чиновнику, когда сейчас, а не в «светлом будущем» можно «торгануть» 800 га земли? Складывается впечатление, что местные власти сделали все возможное, чтобы заводы ушли в другой город.

Для нас в настоящий момент актуален вопрос не столько о том, как сильно государство должно вмешиваться в экономику и участвовать в перераспределении, сколько вопрос, каким будет это государство и сама правящая элита. России действительно нужно сильное государство, но только такое, которое сознает свою миссию и не принадлежит никакой частной группе интересов. Необходимо, чтобы во власть пришла новая генерация людей, не отравленных беспринципностью и моральной пустотой позднего «совка». *Нам нужна элита, которая перестанет воровать*, начнет думать о своей репутации, о той самой персональной ответственности перед страной, историей, будущим, своими детьми, наконец. Нужны реальные действия, направленные на качественный прорыв страны в ее развитии. Только тогда сегодняшние разговоры о консерватизме окажутся продуктивными.

И последнее, но, пожалуй, самое главное. Оплотом конструктивного консерватизма во всех странах и во все времена выступали не партии, не клубы и не государство. *Самая консервативная ячейка общества — это семья*. Как показывают данные социологических исследований, именно семейные ценности стоят на первом месте у сегодняшних россиян. Это то, что нам удалось сохранить, несмотря ни на что. И это очень важно. Именно в рамках семьи хранится все позитивное, что есть в нашей культуре, наших традициях. Именно в семье передается от поколения к поколению наш язык. Остается сделать только один важный шаг — мы все, находясь на разных ступенях социальной лестницы, должны наконец начать воспринимать свою национальную общность как единую семью, а свою страну как один большой дом. Для этого, как минимум, необходимо, чтобы мы все, начиная с самого верха, стали поступать в соответствии со своими словами. Ведь честность в словах и делах — еще одна важная консервативная ценность, залог восстановления доверия к власти.

*Александр Погорельский,
главный редактор журнала «Прогнозис»*